

**230. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ДОГОВОРА 1955 ГОДА
О ДРУЖБЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
И КОНСУЛЬСКИХ ПРАВАХ (ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ИРАН ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)
[ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ]**

Постановление от 3 октября 2018 года

3 октября 2018 год Международный Суд вынес постановление относительно просьбы об указании временных мер, представленной Ираном в деле *Предполагаемые нарушения Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)*. В своем постановлении Суд указал различные временные меры.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судьи ad hoc Брауэр, Момтаз; Секретарь Куврёр.

*

* *

Контекст разбирательства (пп. 1–15)

Сначала Суд напоминает, что 16 июля 2018 года Иран возбудил разбирательство против Соединенных Штатов в связи с предполагаемыми нарушениями Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах (далее «Договор о дружбе» или «Договор 1955 года»). В тот же день Иран представил также просьбу об указании временных мер, направленных на обеспечение его прав по Договору 1955 года до вынесения Судом окончательного решения по делу.

I. Обстоятельства дела (пп. 16–23)

Затем Суд излагает обстоятельства дела. В этой связи он обращает внимание на то, что 8 мая 2018 года президент Соединенных Штатов издал президентский меморандум по национальной

безопасности, в котором он объявил о прекращении участия Соединенных Штатов в Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) — соглашении по ядерной программе Ирана, которое было достигнуто 14 июля 2015 года Ираном и пятью постоянными членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, а также Германией и Европейским союзом, — и распорядился о повторном введении в отношении Ирана «санкций, которые были сняты или отменены в связи с принятием Совместного всеобъемлющего плана действий». В меморандуме президент указал, в частности, что Иран публично заявил о намерении отказать Международному агентству по атомной энергии в доступе на военные объекты и что в 2016 году Иран дважды нарушил установленные СВПД ограничения по запасам тяжелой воды. Было объявлено, что действие «санкций» будет возобновлено в два этапа. По истечении первого периода свертыwania закупок, который продлится 90 дней и закончится 6 августа 2018 года, Соединенные Штаты вновь введут ряд «санкций», касающихся, в частности, финансовых операций, торговли металлами, импорта ковров и продовольственных товаров иранского производства, а также поставок в Иран коммерческих пассажирских самолетов и сопутствующих запасных частей. После завершения второго периода свертыwania, который продлится 180 дней до 4 ноября 2018 года, Соединенные Штаты вновь введут дополнительные «санкции».

Таким образом, 6 августа 2018 года президент Соединенных Штатов издал указ № 13846 «О повторном введении ряда санкций» в отношении Ирана и иранских физических и юридических лиц. В частности, в разделе 1 идет речь о «блокирующих санкциях, касающихся содействия правительству Ирана в покупке или приобретении им американских банкнот или драгоценных металлов; некоторых иранских лиц; и иранских энергетической, судоходной и судостроительной отраслей и операторов портов». Раздел 2 касается «корреспондентских и сквозных счетов, связанных с автомобилестроением Ирана; некоторых иранских лиц; и торговли иранской нефтью, нефтепродуктами и продукцией нефтехимической промышленности». Разделы 3, 4 и 5 устанавливают порядок применения «перечня санкций, связанных с автомобилестроением Ирана и торговлей иранской нефтью, нефтепродуктами и продукцией нефтехимической промышленности». Раздел 6 касается «санкций в отношении иранского риала». В разделе 7 речь идет о «санкциях в связи с нецелевым использованием товаров, предназначенных для народа Ирана, передачей товаров или технологий Ирану, которые могут быть использованы для совершения нарушений прав человека, и цензурой». Раздел 8 касается «организаций, находящихся в собственности или под контролем физических и юридических лиц Соединенных Штатов и учрежденных или управляемых за пределами Соединенных Штатов». Раздел 9 отменяет предыдущие президентские указы, изданные в порядке осуществления обязательств Соединенных Штатов по СВПД. Разделом 2 е) президентского указа № 13846 предусмотрено, что некоторые подразделы раздела 3 не применяются в отношении лиц,

совершающих сделки по предоставлению (включая продажу в любой форме) сельскохозяйственных товаров, продовольствия, медикаментов или медицинских изделий или содействующих совершению таких операций.

II. Юрисдикция prima facie (пп. 24–52)

Суд сперва отмечает, что он может указать временные меры только в том случае, если положения, на которые ссылается заявитель, могут, *prima facie*, служить базой, на которой может основываться его юрисдикция; ему не требуется окончательно образом удостовериться в том, что он обладает юрисдикцией в отношении существа дела. Суд отмечает, что в настоящем деле Иран пытается обосновать юрисдикцию Суда пунктом 1 статьи 36 Статута Суда и пунктом 2 статьи XXI Договора о дружбе 1955 года¹. Суд должен в первую очередь определить, обладает ли он *prima facie* юрисдикцией для вынесения решения по существу дела, что позволит ему — при условии удовлетворения других необходимых условий — указать временные меры.

1. Наличие спора относительно толкования или применения Договора о дружбе 1955 года (пп. 27–44)

Суд отмечает, что пункт 2 статьи XXI Договора 1955 года обуславливает юрисдикцию Суда наличием спора в отношении толкования или применения Договора. Поэтому Суд должен проверить, выполнены ли *prima facie* два различных условия, а именно: что спор между сторонами существует и что он касается «толкования или применения» Договора 1955 года. Суд замечает, что стороны в настоящем деле не отрицают наличия спора, но расходятся во мнениях по вопросу о том, касается ли этот спор «толкования или применения» Договора 1955 года. Для того чтобы определить, так ли это, Суд должен удостовериться, могут ли действия, на которые жалуется заявитель, *prima facie* подпадать под действие положений этого документа и, соответственно, может ли Суд обладать юрисдикцией *ratione materiae* в отношении такого спора.

Суд считает, что тот факт, что спор между сторонами возник в связи и в контексте решения Соединенных Штатов выйти из СВПД, сам по себе не исключает возможности того, что данный спор связан с толкованием или применением Договора о дружбе. По мнению Суда, если меры, принятые Соединенными Штатами после их решения выйти из

¹ Пункт 2 статьи XXI Договора 1955 года гласит следующее:

«Любой спор между Высокими Договаривающимися Сторонами относительно толкования или применения настоящего Договора, не урегулированный приемлемым образом дипломатическими средствами, передается в Международный Суд, если Высокие Договаривающиеся Стороны не согласятся на его разрешение каким-либо иным мирным способом».

СВПД, могут представлять собой нарушение некоторых обязательств по Договору 1955 года, такие меры связаны с толкованием или применением данного документа. Суд отмечает также, что СВПД не наделяет учреждаемый им механизм урегулирования споров исключительной компетенцией в отношении мер, которые принимаются в связи с ним и которые могут подпадать под юрисдикцию другого механизма урегулирования споров. Поэтому Суд считает, что СВПД и предусмотренный им механизм урегулирования споров не выводят меры, составляющие предмет жалобы, из материальной сферы применения Договора о дружбе и не исключают применение его арбитражной оговорки.

Суд замечает, что в пункте 1 статьи XX определено ограниченное число случаев, в которых, несмотря на положения Договора, Стороны могут применять определенные меры. Это включает меры, касающиеся «делящихся материалов, их радиоактивных побочных продуктов или их источников» (подпункт *b*). Это включает также меры, «необходимые для выполнения какой-либо из Высоких Договаривающихся Сторон своих обязательств по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности или необходимые для защиты ее существенных интересов безопасности» (подпункт *d*). Суд считает, что вопрос о том, обоснованны ли ссылки ответчика на эти исключения, и если обоснованны, то в какой мере, подлежит судебному рассмотрению и, следовательно, составляет неотъемлемую часть материальной сферы компетенции Суда в отношении «толкования или применения» Договора на основании пункта 2 статьи XXI.

Суд отмечает далее, что Договор 1955 года содержит нормы, предусматривающие свободу торговли и коммерческой деятельности в отношениях между Соединенными Штатами и Ираном, включая конкретные нормы, запрещающие ограничения на импорт и экспорт товаров, происходящих из этих двух стран, а также нормы, касающиеся платежей и перевода средств между ними. С точки зрения Суда, принятые Соединенными Штатами меры, например, отзыв лицензий и разрешений на осуществление определенных коммерческих сделок между Ираном и Соединенными Штатами, запрет на торговлю некоторыми товарами и ограничения в отношении финансовых операций, могут рассматриваться как связанные с определенными правами и обязанностями сторон этого договора. Поэтому Суд считает, что по меньшей мере упомянутые выше меры, на которые жалуется Иран, действительно могут *prima facie* относиться к материальной сфере применения Договора 1955 года.

Суд приходит к выводу, что на данном этапе вышеупомянутых элементов достаточно для того, чтобы установить, что спор между сторонами связан с толкованием или применением Договора о дружбе.

2. Вопрос о приемлемом урегулировании дипломатическим путем на основании пункта 2 статьи XXI Договора о дружбе (пп. 45–51)

Суд напоминает, что согласно положениям пункта 2 статьи XXI Договора 1955 года спор передается ему на рассмотрение в том случае, если он не был «приемлемым образом урегулирован дипломатическими средствами». Из текста этого положения Суд делает вывод, что ему нет необходимости рассматривать вопрос о том, были ли инициированы официальные переговоры или явилось ли поведение какой-либо из сторон причиной того, что спор не был урегулирован дипломатическим путем. Суду достаточно убедиться в том, что до передачи спора на рассмотрение Суда он не был приемлемым образом урегулирован дипломатическим путем.

В контексте настоящего дела отмечается, что Соединенные Штаты никак не отреагировали на сообщения правительства Ирана, направленные им в посольство Швейцарии (Секция иностранных интересов) в Тегеране 11 и 19 июня 2018 года, и в материалах дела отсутствуют доказательства какого-либо прямого обмена по этому вопросу между сторонами. Вследствие этого Суд отмечает, что до момента подачи заявления 16 июля 2018 года спор не был приемлемым образом урегулирован дипломатическими средствами по смыслу пункта 2 статьи XXI Договора 1955 года.

3. Заключение относительно юрисдикции prima facie (п. 52)

В свете вышеизложенного Суд заключает, что он prima facie обладает юрисдикцией рассматривать это дело на основании пункта 2 статьи XXI Договора о дружбе 1955 года в той мере, в какой спор между сторонами касается «толкования или применения» указанного Договора.

III. Права, защита которых испрашивается, и запрашиваемые меры (пп. 53–76)

Суд напоминает, что в соответствии со статьей 41 Статута его полномочия по указанию временных мер имеют целью обеспечение соответствующих прав сторон рассматриваемого дела до вынесения Судом окончательного решения по нему. Из этого следует, что Суд должен быть заинтересован в обеспечении — посредством принятия таких мер — тех прав, которые он впоследствии может признать принадлежащими какой-либо из сторон. Поэтому Суд может использовать эти полномочия лишь в случае, если он убежден, что права, заявляемые стороной, ходатайствующей об указании таких мер, по меньшей мере представляются обоснованными.

Суд отмечает, что в соответствии с положениями Договора 1955 года обе договаривающиеся стороны пользуются рядом прав в отношении финансовых операций, импорта и экспорта товаров на территорию друг друга и из нее, режима, предоставляемого гражданам и компаниям сторон, и, в более общем плане, свободы торговли и судоходства. Суд отмечает далее, что Соединенные Штаты не оспаривают по существу, что Иран обладает этими правами по Договору 1955 года или что принятые ими меры могут затрагивать эти права. Вместо этого Соединенные Штаты утверждают, что пункт 1 статьи XX Договора 1955 года дает им право применять определенные меры, в частности для защиты своих существенных интересов безопасности, и настаивают, что обоснованность заявляемых Ираном прав следует оценивать в свете обоснованности прав Соединенных Штатов.

Суд отмечает, что права, об обеспечении которых просит Иран, основываются, как представляется, на одном из возможных толкований Договора 1955 года и на доказательствах *prima facie* соответствующих фактов. Кроме того, по мнению Суда, некоторые из мер, объявленных 8 мая 2018 года и частично введенных президентским указом № 13846 от 6 августа 2018 года, такие как аннулирование лицензий на импорт товаров из Ирана, ограничения в отношении финансовых операций и запрещение коммерческой деятельности, могут, как представляется, затрагивать некоторые права, на которые ссылается Иран на основании ряда положений Договора 1955 года.

Однако при оценке обоснованности прав, заявляемых Ираном по Договору 1955 года, Суд должен также принять во внимание подпункты *b)* и *d)* пункта 1 статьи XX Договора, на которые ссылаются Соединенные Штаты. На данном этапе Суду нет необходимости проводить полную оценку соответствующих прав сторон по Договору 1955 года. Однако Суд считает, что так как меры, на которые жалуется Иран, могут касаться «делящихся материалов, их радиоактивных побочных продуктов или их источников» или могут быть «необходимы для защиты ... существенных интересов безопасности» Соединенных Штатов, применение подпунктов *b)* или *d)* пункта 1 статьи XX может затрагивать по меньшей мере некоторые из прав, на которые ссылается Ираном на основании Договора о дружбе.

Тем не менее Суд придерживается мнения, что другие права, заявленные Ираном по Договору 1955 года, не будут затронуты таким образом. В частности, права Ирана, связанные с ввозом и приобретением товаров, необходимых для удовлетворения гуманитарных потребностей, и с безопасностью полетов гражданской авиации, нельзя обоснованно рассматривать как основание для применения подпунктов *b)* или *d)* пункта 1 статьи XX.

В свете вышеизложенного Суд приходит к выводу, что на данном этапе разбирательства некоторые из прав, заявленных Ираном по

Договору 1955 года, представляются обоснованными в части, касающейся ввоза и приобретения товаров, необходимых для удовлетворения гуманитарных потребностей, таких как i) лекарственные средства и медицинское оборудование и ii) продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также товары и услуги, необходимые для обеспечения безопасности полетов гражданской авиации, такие как iii) запасные части, оборудование и сопутствующие услуги (включая гарантийное, техническое и ремонтное обслуживание и проверки безопасности), необходимые для гражданских воздушных судов.

Затем Суд обращается к вопросу о связи между заявленными правами и запрашиваемыми временными мерами.

Суд напоминает, что Иран просит о приостановлении действия и обеспечения соблюдения всех мер, объявленных 8 мая 2018 года, и об обеспечении полного исполнения уже разрешенных сделок. Иран просит далее Суд постановить, что Соединенные Штаты должны в течение трех месяцев сообщить о шагах, предпринятых в отношении этих мер, и заверить «иранских, американских и иностранных граждан и иранские, американские и иностранные компании в том, что они будут выполнять постановление Суда» и что они «должны прекратить выступать с какими-либо заявлениями или предпринимать какие-либо действия, которые могли бы послужить причиной для отказа американских и иностранных физических и юридических лиц от участия или дальнейшего взаимодействия в экономической сфере с Ираном и иранскими гражданами или компаниями». И наконец, Иран просит, чтобы Соединенные Штаты воздерживались от принятия любых других мер, которые могли бы нанести ущерб правам Ирана и иранских граждан и компаний по Договору 1955 года.

Суд уже установил, что по меньшей мере некоторые из заявленных Ираном прав по Договору 1955 года представляются обоснованными. Он напоминает, что так обстоит дело с заявленными Ираном правами в той мере, в какой они касаются ввоза и приобретения товаров, необходимых для удовлетворения гуманитарных потребностей, таких как i) лекарственные средства и медицинское оборудование и ii) продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также товары и услуги, необходимые для обеспечения безопасности полетов гражданской авиации, такие как iii) запасные части, оборудование и сопутствующие услуги (включая гарантийное, техническое и ремонтное обслуживание и проверки безопасности), необходимые для гражданских воздушных судов. По мнению Суда, можно считать, что некоторые аспекты мер, об указании которых просит Иран и которые направлены на обеспечение свободы торговли и коммерческой деятельности, особенно в части, касающейся вышеупомянутых товаров и услуг, связаны с теми правами, которые, как представляется, имеют под собой основания и защита которых испрашивается.

Поэтому Суд приходит к выводу о наличии связи между некоторыми из прав, о защите которых просит Иран, и определенными аспектами запрашиваемых Ираном временных мер.

IV. Риск причинения непоправимого ущерба и неотложная необходимость (пп. 77–94)

Суд напоминает, что он уполномочен указывать временные меры, когда существует риск причинения непоправимого ущерба правам, являющимся предметом судебного разбирательства, или когда предполагаемое несоблюдение таких прав может повлечь за собой непоправимые последствия. Однако полномочие Суда на указание временных мер может быть осуществлено лишь при наличии неотложной необходимости в том смысле, что существует реальный и неотвратимый риск причинения непоправимого ущерба до вынесения Судом его окончательного решения. Условие наличия неотложной необходимости выполняется, когда действия, способные нанести непоправимый ущерб, могут «произойти в любой момент» до принятия Судом окончательного решения по делу.

Суд отмечает, что решение, объявленное 8 мая 2018 года, как представляется, уже оказывает воздействие на импорт и экспорт товаров, происходящих из двух стран, а также на платежи и переводы средств между ними и что его последствия носят продолжающийся характер. Суд отмечает, что, по данным на 6 августа 2018 года, контракты, которые были заключены до введения мер и которые предусматривали обязательство иранских авиакомпаний закупать запасные части у американских компаний (или у иностранных компаний, продающих запасные части, частично состоящие из американских компонентов), как представляется, были аннулированы или серьезно пострадали. Кроме того, компании, предоставляющие иранским авиакомпаниям услуги по техническому обслуживанию воздушных судов, не имеют возможности выполнять работы, связанные с установкой или заменой компонентов, произведенных по американским лицензиям.

Кроме того, Суд обращает внимание на то, что, хотя действие введенных Соединенными Штатами мер в принципе не распространяется на ввоз продовольственных товаров, предметов медицинского назначения и медицинского оборудования, на практике иранским компаниям и гражданами, судя по всему, стало сложнее приобретать такие импортные продовольственные товары, предметы и оборудование. В этой связи Суд замечает, что в результате введения мер некоторые зарубежные банки вышли из соглашений о финансировании или приостановили сотрудничество с иранскими банками. Некоторые из этих банков отказываются также принимать денежные переводы или предоставлять соответствующие услуги. Из этого следует, что Ирану, иранским компаниям и гражданам стало трудно, если не невозможно, участвовать в международных финансовых операциях, которые позволили бы им

приобретать предметы, не подпадающие в принципе под действие таких мер, такие как продовольственные товары, предметы медицинского назначения и медицинское оборудование.

Суд считает, что определенные права Ирана по Договору 1955 года, на которые Иран ссылается в данном деле и которые, как установил Суд, имеют под собой основания, носят такой характер, что их несоблюдение может привести к непоправимым последствиям. Так, в частности, обстоит дело с правами, касающимися импорта и закупок товаров, необходимых для удовлетворения гуманитарных нужд, таких как i) лекарственные средства и медицинское оборудование и ii) продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также товары и услуги, необходимые для обеспечения безопасности полетов гражданской авиации, такие как iii) запасные части, оборудование и сопутствующие услуги (включая гарантийное, техническое и ремонтное обслуживание и проверки безопасности), необходимые для гражданских воздушных судов.

Суд считает, что ущерб может считаться непоправимым, если он создает опасность для здоровья и жизни затрагиваемых людей. По мнению Суда, принятые Соединенными Штатами меры могут поставить под угрозу безопасность полетов гражданской авиации в Иране и жизни пассажиров, поскольку они препятствуют приобретению иранскими авиакомпаниями запасных частей и другого необходимого оборудования, а также лишают их доступа к соответствующим услугам (включая гарантийное, техническое и ремонтное обслуживание и проверки безопасности), необходимым для гражданских воздушных судов. Суд считает далее, что ограничения на импорт и закупку товаров, необходимых для удовлетворения гуманитарных нужд, таких как продовольственные товары и медикаменты, включая жизненно важные лекарства, препараты для лечения хронических заболеваний или профилактики и медицинское оборудование, могут оказать серьезное негативное воздействие на здоровье и жизнь людей на территории Ирана.

Суд отмечает, что в ходе устного разбирательства Соединенные Штаты предоставили заверения в том, что Государственный департамент «примет все возможные меры» с целью обеспечить, чтобы «вызывающие озабоченность вопросы гуманитарного характера или вопросы, связанные с безопасностью полетов, возникающие в результате повторного введения санкций Соединенных Штатов», подлежали «всестороннему и оперативному рассмотрению Министерством финансов или другими соответствующими компетентными ведомствами». Принимая к сведению эти заверения, Суд, тем не менее, считает, что, поскольку они ограничиваются выражением намерения принять все возможные меры и координировать деятельность министерств и других компетентных органов, эти заверения не являются достаточными для того, чтобы полностью снять опасения заявителя, связанные с гуманитарными вопросами и вопросами безопасности. Поэтому, по мнению Суда,

сохраняется риск того, что принятые Соединенными Штатами меры, изложенные выше, могут повлечь за собой непоправимые последствия.

Суд далее отмечает, что ситуация, сложившаяся в результате введения Соединенными Штатами мер, объявленных 8 мая 2018 года, носит продолжающийся характер и что в настоящее время вероятность ее изменения к лучшему мала. Кроме того, Суд считает, что существует неотложная необходимость, учитывая предстоящее введение Соединенными Штатами дополнительного комплекса мер, запланированное на период после 4 ноября 2018 года.

V. Заключение и меры, которые необходимо принять (пп. 95–101)

На основании всех вышеизложенных соображений Суд приходит к выводу, что условия для указания временных мер, установленные в его Статуте, соблюдены. Поэтому до вынесения им окончательного решения по делу Суду необходимо указать ряд мер, направленных на защиту прав, заявленных Ираном, как указано выше. Рассмотрев содержание испрашиваемых Ираном временных мер и обстоятельства настоящего дела, Суд приходит к выводу, что меры, которые надлежит указать, не обязательно должны быть идентичны запрашиваемым мерам.

Суд считает, что Соединенные Штаты в соответствии со своими обязательствами по Договору 1955 года должны устранить, избрав любые средства по своему усмотрению, любые возникающие в результате объявленных 8 мая 2018 года мер препятствия для свободного экспорта на территорию Ирана товаров, необходимых для удовлетворения гуманитарных нужд, таких как i) лекарственные средства и медицинское оборудование и ii) продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также товары и услуги, необходимые для обеспечения безопасности полетов гражданской авиации, такие как iii) запасные части, оборудование и сопутствующие услуги (включая гарантийное, техническое и ремонтное обслуживание и проверки безопасности), необходимые для гражданских воздушных судов. Для этого Соединенные Штаты Америки должны обеспечить, чтобы выдавались лицензии и необходимые разрешения и чтобы платежи и другие переводы средств, связанные с вышеупомянутыми товарами и услугами, не попадали под какие-либо ограничения.

Суд напоминает, что Иран просит его указать временные меры с целью не допустить усугубления его спора с Соединенными Штатами. При указании временных мер в целях обеспечения конкретных прав Суд может также указать временные меры, направленные на предотвращение усугубления или продления спора, если он сочтет, что того требуют обстоятельства. Рассмотрев все обстоятельства данного дела, Суд считает необходимым, в дополнение к конкретным мерам, которые он постановляет принять, указать дополнительную меру, адресованную

обеим сторонам и призванную не допустить усугубления спора между ними.

Кроме того, Суд подтверждает, что его постановления о временных мерах имеют обязательную силу и создают международно-правовые обязательства для всех сторон, которым адресованы эти временные меры. Он отмечает далее, что постановление, вынесенное в ходе настоящего разбирательства, никоим образом не предрешает вопроса о юрисдикции Суда рассматривать дело по существу или каких-либо вопросов, касающихся приемлемости заявления или самого существования дела.

VI. Постановляющая часть (п. 102)

Полный текст последнего пункта консультативного заключения гласит следующее:

«По этим причинам

Суд

указывает следующие временные меры:

1) единогласно

Соединенные Штаты Америки в соответствии со своими обязательствами по Договору 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах устранят, избрав любые средства по своему усмотрению, любые возникающие в результате объявленных 8 мая 2018 года мер препятствия для свободного экспорта на территорию Исламской Республики Иран

i) лекарств и медицинского оборудования;

ii) продовольствия и сельскохозяйственного сырья; и

iii) запасных частей, оборудования и сопутствующих услуг (включая услуги, связанные с гарантийным и техническим обслуживанием, ремонтом и инспектированием), необходимых для обеспечения безопасности полетов гражданской авиации»;

2) единогласно

Соединенные Штаты Америки обеспечат, чтобы выдавались лицензии и необходимые разрешения и чтобы платежи и другие переводы средств не попадали под какие-либо ограничения в той мере, в какой они относятся к товарам и услугам, упомянутым в пункте 1);

3) единогласно

обе стороны должны воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор, находящийся на рассмотрении Суда, или затруднить его урегулирование».

*

Судья Кансаду Триндади прилагает к постановлению Суда отдельное мнение; судья *ad hoc* Момтаз прилагает к постановлению Суда заявление.

*

* *

Отдельное мнение судьи Кансаду Триндади

1. В своем отдельном мнении, состоящем из 15 частей, судья Кансаду Триндади сначала указывает, что он своим голосом поддержал единогласное принятие МС настоящего постановления об указании временных мер защиты. Судья добавляет, что, поскольку он придает большое значение некоторым относящимся к *cas d'espèce* (к данному конкретному делу) вопросам, которые, по его мнению, лежат в основе настоящего решения МС, но не отражены полностью в его мотивировочной части, он считает своим долгом официально зафиксировать — в настоящем отдельном мнении — такие вопросы и основание своей личной позиции по ним.

2. Его рассуждения касаются главным образом ключевых аспектов, относящихся к временным мерам защиты (часть I). Прежде чем перейти к их рассмотрению, он считает уместным начать с изложения своих исходных соображений герменевтического и аксиологического характера, остановившись на трех моментах, которые он считает также важными для надлежащего рассмотрения *cas d'espèce*, а именно: а) международный мир: договоры как живые документы в контексте прогрессивного развития международного права; б) временные меры: наличие у Суда юрисдикции *prima facie*; и с) преимущественная сила императива реализации правосудия по отношению к требованиям обеспечения «интересов государственной безопасности».

3. Излагаемые им далее соображения, касающиеся временных мер защиты, носят одновременно концептуальный и эпистемологический, юридический и философский характер, с непременным учетом человеческих ценностей. Сначала приводятся соображения концептуального и эпистемологического характера, включая: а) перенос временных мер защиты из сферы от сравнительного внутреннего процессуального права в область международно-правовой процедуры; б) юридический характер временных мер защиты; с) эволюция временных мер защиты;

d) временные меры защиты и превентивный аспект международного права; и e) временные меры защиты и продолжающиеся ситуации уязвимости.

4. Во второй части его рассуждений о временных мерах защиты рассматриваются соображения юридического и философского характера, включая: a) уязвимость человека: гуманитарные соображения; b) выход за рамки строго межгосударственного подхода: уделение внимания народам и индивидам; c) продолжающийся риск причинения непоправимого вреда; d) продолжающаяся ситуация, затрагивающая права, и неуместность критерия их так называемой «вероятной обоснованности»; и e) соображения, касающиеся международной безопасности и неотложного характера ситуации. Последнее, но не менее важное: в эпилоге он подытоживает ключевые моменты своей позиции, изложенной в настоящем отдельном мнении.

5. Касаясь вопроса международного мира, судья Кансаду Триндади сначала отмечает, что международные договоры, к которым относится и Договор о дружбе 1955 года, — это *живые* документы, которые следует понимать с учетом обстоятельств, в которых они применяются. Это согласуется с *jurisprudence constante* (устоявшейся судебной практикой) МС. Этот эволютивный подход к толкованию договоров вытекает из статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

6. Он добавляет, что при толковании и применении международных договоров следует иметь в виду их объект и цель (часть II). Получаемое в результате их эволютивное толкование вносит вклад в прогрессивное развитие международного права. В связи с настоящим делом следует напомнить, что МС обращался к объекту и цели Договора 1955 года (статья I) (прочный и постоянный мир и дружба между сторонами) также в предыдущих делах для целей его толкования.

7. Распоряжаясь об указании временных мер защиты, МС (и другие международные трибуналы), — продолжает судья Кансаду Триндади, — сохраняет, следуя своему Статуту и *interna corporis* (внутренним процедурам), приверженность своей миссии реализации правосудия, даже когда стороны ссылаются на «интересы государственной безопасности». Это подкрепляется соответствующей *jurisprudence constante* МС (часть III). Юрисдикция *prima facie* не зависит от юрисдикции рассматривать дело по существу, что подтверждается также более четко обозначившейся тенденцией в международно-правовой доктрине.

8. В его понимании императив реализации правосудия имеет преимущественную силу по отношению к требованиям «интересов государственной безопасности» или ее стратегий (часть IV). Это обнаруживается в прецедентном праве самого МС. По словам судьи Кансаду Триндади:

«Идея объективной справедливости и человеческих ценностей стоит выше фактов, которые сами по себе не имеют правопорождающего эффекта: *ex conscientia jus oritur* (право возникает из совести). Императив реализации правосудия превалирует над проявлениями «воли» государства... В том, что касается временных мер защиты, я последовательно придерживаюсь анти-волюнтаристской позиции. Совесть превышает “воли”» (п. 26).

9. Постепенное формирование *автономного правового режима* временных мер защиты — концепции, которую судья Кансаду Триндади отстаивает уже много лет, — выявило отдельные составные элементы, начиная с переноса этих мер из сферы сравнительного внутреннего процессуального права в область международно-правовой процедуры (часть V). Они имеют собственный юридический характер: непосредственно связанные с самой реализацией правосудия временные меры защиты, будучи упреждающими по своей природе, эволюционировали и превратились из *предупредительных* в *охранительные*, тем самым способствуя прогрессивному развитию международного права (часть VI).

10. Судья Кансаду Триндади отмечает, что, когда выполнены базовые условия для указания временных мер, такие как серьезность и неотложный характер ситуации и необходимость предотвращения непоправимого ущерба, — «(международные трибуналы) их принимают с учетом потребностей в защите, и таким образом формируется подлинная *юрисдикционная гарантия превентивного характера*» (п. 35). Автономный юридический режим временных мер защиты, — напоминает он, — формируется

«из *прав* на защиту (не обязательно идентичных правам, которые отстаиваются позднее на стадии рассмотрения дела по существу), *обязательств*, возникающих из временных мер защиты и автономно порождающих *ответственность* государства с соответствующими правовыми последствиями и из наличия (потенциальных) жертв уже на стадии указания временных мер защиты» (п. 36).

11. Соответственно, понятие жертвы (или *потенциальной* жертвы) или потерпевшей стороны может возникать и в контексте временных мер защиты независимо от решения по существу рассматриваемого дела (часть VII). Он добавляет, что

«обязанность соблюдать временные меры защиты (еще один элемент, формирующий их автономный правовой режим) по-прежнему требует дальнейшей проработки, поскольку несоблюдение этих мер само по себе порождает ответственность государств и влечет за собой правовые последствия» (п. 37).

По его мнению, временные меры обеспечивают защиту все большему числу индивидов (потенциальных жертв), находящихся в уязвимом положении, и таким образом они трансформировались в подлинную юрисдикционную *гарантию* превентивного характера (часть VIII).

12. Затем судья Кансаду Триндади обращает внимание на один важный момент, а именно на то, что прецедентное право МС, которое теперь включает и настоящее постановление, указывает на то, что временные меры защиты крайне необходимы и чрезвычайно актуальны в *продолжающихся ситуациях* трагической уязвимости людей. В данном случае, например, санкции, введенные государством-ответчиком с 8 мая 2018 года, уже, как представляется, оказали воздействие и повлекли за собой последствия, которые носят «продолжающийся характер» (часть IX). Сложившаяся в результате этого ситуация является «текущей», и перспективы ее изменения к лучшему отсутствуют. Отсюда необходимость во временных мерах защиты, которые Суд только что указал в настоящем постановлении (п. 49).

13. С учетом продолжающейся ситуации уязвимости людей, в которой временные меры защиты приобретают особое значение, судья Кансаду Триндади переходит к рассмотрению своих «гуманитарных соображений» (часть X). Обращаясь к истории, он напоминает о том, что на протяжении веков мыслители предупреждали о незащищенности людей перед лицом крайних форм насилия и разрушений (например, темы жестокости, ранимости человека и одиночества в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида в древней Греции) (пп. 52–55 и 58).

14. Фактически, осознание требований справедливости (в русле естественно-правового мышления) присутствовало уже в трудах древнегреческих трагиков. Они способствовали развитию идеи преобладания человеческой совести над волей, естественного права над правовым позитивизмом (п. 53), нашедшей отражение в *jus gentium* (*droit des gens*) (праве народов) во времена его «отцов-основателей» (в XVI и XVII веках) (п. 55). Идея преобладания человеческой совести над волей, естественного права над правовым позитивизмом пользуется поддержкой с древних времен до наших дней.

15. В конце концов, — продолжает он, — осознание чувства человеческого достоинства дает понимание того, что «нельзя причинять страдания иностранцам и беззащитным людям» (п. 57). Фактически, «то, чему учат нас древнегреческие трагедии, сохраняет свою актуальность и неизменность и по сей день» (п. 58). И, добавляет судья Кансаду Триндади, — «спустя примерно 24 века после того, как они были написаны и исполнены, мыслители продолжали писать о страданиях людей от жестокости, иногда как будто в поисках пути спасения для человечества», в XIX и XX веках (пп. 58-59).

16. Однако, добавляет он, несмотря на их предостережения, «уроки из прошлого не усвоены» (п. 59), как показывает

«способность человека к опустошению и уничтожению, которая в XX и XXI веках стала неограниченной (с появлением оружия массового уничтожения, в частности ядерного оружия). (...)

Нельзя оставить незамеченным то, что проблема человеческой уязвимости здесь — в фактологическом контексте настоящего дела *Предполагаемые нарушения Договора 1955 года о дружбе* — распространяется на все международное сообщество, более того — на человечество в целом, столкнувшееся со смертоносностью ядерного оружия. Есть огромная необходимость не только в его нераспространении, но и — в конечном итоге — в ядерном разоружении как во всеобщем обязательстве. (...)

Ни теологии, ни психологии, ни философии пока не удастся дать ответы или убедительно объяснить, почему злу и жестокости по-прежнему находится место в поведении человека. Этот вопрос подробно рассматривается в литературе. Но растущая способность человека к разрушению в наше время породила, во всяком случае, реакцию человеческой совести на злодеяния, ... принявшую форму становления и развития института *ответственности* и привлечения к ней за все подобные злодеяния. Здесь международное право должно сыграть свою роль, не абстрагируясь от вклада других отраслей человеческих знаний» (пп. 60–61 и 63).

17. Судья Кансаду Триндади напоминает далее, что, как он указал в своих трех особых мнениях по недавним делам *Обязательства по ядерному разоружению* (Маршалловы Острова против Соединенного Королевства, Индии и Пакистана, решения от 5 октября 2016 года), необходимо уделять больше внимания императиву уважения жизни и значимости гуманистических ценностей. И затем он подчеркивает настоятельную необходимость того, чтобы человеческая совесть — универсальное правосознание — возобладало над волюнтаризмом государств в том смысле, что

«именно универсальное правосознание является в конечном итоге важнейшим материальным источником международного права ... Невозможно противостоять новым вызовам, стоящим перед всем международным сообществом, если принимать во внимание лишь интересы государств; так обстоит дело с обязательством сделать мир свободным от ядерного оружия, поскольку это — императив *recta ratio*, а не нечто производное от «воли» государств. По сути дела, чтобы сохранить надежду, нужно всегда помнить обо всем человечестве» (п. 64).

18. Судья Кансаду Триндади вновь заявляет, что императивы *gesta ratio*, императивы универсального правосознания, стоят выше соображений *raison d'État*. Кроме того, защита человеческой личности (отдельных лиц и групп, находящихся в уязвимом положении), обеспечиваемая временными мерами, выходит за рамки сугубо межгосударственных отношений. И он напоминает, что и в самом Уставе Организации Объединенных Наций 1945 года (как и в последовавшей за ним три года спустя Всеобщей декларации прав человека 1948 года) внимание обращено на «народы Объединенных Наций» и не ограничивается редуционистским межгосударственным подходом, а в его преамбуле провозглашается решимость «народов Объединенных Наций» «*избавить грядущие поколения от бедствий войны*» (п. 68).

19. Возвращаясь к настоящему делу, в котором Иран выступает против Соединенных Штатов, он замечает, что в Договоре 1955 года о дружбе между ними содержится отсылка, среди прочего, к обязанности каждого государства-участника заботиться о «здоровье и благополучии своего народа» (статья VII (1)); в нем также определены обязанности обоих государств-участников всегда «предоставлять справедливое и равноправное обращение гражданам и компаниям» друг друга, воздерживаясь тем самым от применения «дискриминационных мер» (статья IV (1)). Этот аспект подчеркивается далее в Договоре посредством дополнительной отсылки к обязанности обоих государств-участников предоставлять справедливый режим «гражданам и компаниям» без каких-либо дискриминационных мер (статья IX (2) (3)) (п. 69).

20. Судья Кансаду Триндади особо отмечает также, что в *cas d'espèce* налицо *продолжающаяся ситуация* риска причинения неправомерного вреда, затрагивающая права как государства-заявителя, так и его граждан и компаний (часть XII). *Продолжающаяся ситуация* такого рода наблюдалась и в более ранних делах, находившихся на рассмотрении МС (часть XIII); в своем отдельном мнении по делу *Применение Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина против Российской Федерации, постановление от 19 апреля 2017 года)* он указывал, что именно «трагедия человеческой уязвимости» (а не проверка на предмет так называемой «обоснованности») послужила причиной для указания временных мер защиты (п. 74).

21. Он ссылается также на свое отдельное мнение по делу *Джадхав (Индия против Пакистана, постановление от 18 мая 2017 года)*, в котором он размышлял о том, что право на информацию о консульской помощи в обстоятельствах *cas d'espèce* «неразрывно связано с самим правом на жизнь — основным и не допускающим отступлений правом, а не просто с «представляющимся обоснованным» правом» (п. 75). В такой *продолжающейся ситуации*, как в деле *Джадхав*, затрагиваемые и требующие защиты права «четко известны, и нет смысла задаваться

вопросом о том, «обоснованы ли они». В данном случае критерий «обоснованности» не имеет значения» (п. 76). В делах, подобных настоящему делу, в котором Иран выступает против Соединенных Штатов и где права, о защите которых посредством введения временных мер просит заявитель, «четко определены в международном договоре [Договоре о дружбе 1955 года], ссылаться на «предполагаемую обоснованность» таких прав бессмысленно» (п. 77).

22. Затем судья Кансаду Триндади переходит к изложению оставшейся части своих соображений, касающихся международной безопасности и неотложности ситуации (часть XIV). Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) был одобрен резолюцией 2231 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 20 июля 2015 года, в которой, среди прочего, упоминаются принципы международного права и права, закрепленные в Договоре 1968 года о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) «и других соответствующих документах». Среди этих документов, — отмечает судья Кансаду Триндади, — международное сообщество сегодня делает ставку также на Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года (п. 81). И он добавляет:

«Эта эволюция показывает, что нераспространение никогда не было ее конечным этапом; далее следует ядерное *разоружение*, ведь именно оно способно обеспечить выживание всего человечества; существует всеобщее обязательство по ядерному разоружению. Ядерное оружие безнравственно и незаконно, оскорбительно для человечества. Сохранение в некоторых странах модернизированных арсеналов таких вооружений вызывает огромную озабоченность и сожаление у международного сообщества в целом. Национальное восприятие не может упускать из виду интересы международной безопасности» (п. 82).

23. Он выдвигает точку зрения, согласно которой в настоящем деле необходимо помнить о международной безопасности, поскольку это касается международного сообщества в целом (пп. 78–82). Затем он напоминает, что свою озабоченность в этой связи недавно высказывали и другие государства — участники СВПД, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, Генеральный директор МАГАТЭ, Специальный докладчик УВКПЧ Организации Объединенных Наций; этот вопрос действительно является предметом обеспокоенности международного сообщества (пп. 83–89).

24. Судья Кансаду Триндади указывает, что распорядившись об указании временных мер защиты по данному делу, МС должным образом учел *гуманитарные потребности* затрагиваемого населения и отдельных людей и указал меры, призванные защитить их права (пп. 90–92). В этом деле, как и в других ранее рассматривавшихся МС делах, временные меры защиты указаны в ситуации человеческой уязвимости. Права, для защиты которых были истребованы — и затем должным

образом указаны МС — временные меры защиты по *cas d'espèce*, — это права, касающиеся человеческой жизни и здоровья, — права, которые, таким образом, принадлежат индивидам, людям (п. 92).

25. И последнее, но не менее важное, — заключает судья Кансаду Триндади (часть XV), — хотя вопрос, составляющий предмет спора в *cas d'espèce*, рассматривается в контексте межгосударственных отношений, что типично для споров, рассматриваемых в МС, это вовсе не означает, что аргументация Суда тоже должна ограничиваться исключительно сферой межгосударственных отношений; по его мнению, именно от «характера дела будет зависеть ход рассуждений, который позволит найти решение. Настоящее дело *Предполагаемые нарушения Договора 1955 года о дружбе* затрагивает не только права государств, но и права людей» (п. 94).

26. Принять правильное решение о таком указании временных мер МС может только с гуманистических позиций (п. 93), что непременно позволит избежать просчетов устаревшей и нелепой приверженности волюнтаризму государств. Он вновь подчеркивает, что «в настоящем деле и всегда люди нуждаются, в конечном счете, в защите от зла, которое находится внутри них самих» (п. 106). С этих позиций “*raison d’humanité* должен возобладать над *raison d’État*” и «более гуманное международное право (*droit des gens*) превалирует над предполагаемыми интересами или стратегиями “национальной безопасности”» (п. 106).

Заявление судьи ad hoc Момтаза

Судья ad hoc Момтаз заявляет, что он проголосовал за все три временные меры, указанные Судом в пункте 102 его постановления. Однако он опасается, что первых двух временных мер недостаточно для того, чтобы безотлагательно обеспечить защиту прав Ирана или не допустить причинения этим правам непоправимого ущерба. Поэтому он считает, что первую временную меру следовало бы также распространить на закупки воздушных судов и заказы, которые уже размещены Ираном и которые стали объектом повторно введенных Соединенными Штатами санкций. Что касается второй временной меры, то, по мнению судьи ad hoc Момтаза, было бы желательно, чтобы Суд просил Соединенные Штаты воздержаться от принятия любых мер с целью заставить компании и граждан третьих государств отказаться от поддержания торговых отношений с Ираном; в частности, это позволило бы Ирану приобретать новые гражданские воздушные суда. Хотя судья ad hoc Момтаз согласен с аргументацией, изложенной в постановлении Суда, он ставит три вопроса, по которым Суд не вынес никакого решения.

Во-первых, судья ad hoc Момтаз считает, что резолюция 2231 (2015) Совета Безопасности относится к обстоятельствам спора, представленного на рассмотрение Суда. Этой резолюцией был одобрен Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) и были возложены обязательства на все государства — члены Организации Объединенных Наций, включая Соединенные Штаты. Кроме того, ссылаясь на доклады Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), которому Совет Безопасности поручил проверять и контролировать выполнение Ираном своих обязательств по СВПД в ядерной области, судья ad hoc Момтаз ставит под сомнение состоятельность доводов, выдвинутых Соединенными Штатами в оправдание повторного введения санкций.

Во-вторых, судья ad hoc Момтаз ставит под сомнение законность вторичных санкций, введенных Соединенными Штатами. Эти санкции имеют экстерриториальную сферу применения и имеют целью напрямую влиять на выбор суверенных государств при выстраивании ими своих внешних сношений, что представляет собой нарушение основополагающего принципа невмешательства, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций. Далее, судья ad hoc Момтаз считает, что эти вторичные санкции могут также нарушать обязательства Соединенных Штатов в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Кроме того, он придерживается мнения, что Соединенные Штаты не могут ссылаться на изъятия исключения, предусмотренные в пункте 1 d) статьи XX Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах от 15 августа 1955 года, или в статье XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ).

В-третьих, судья ad hoc Момтаз полагает, что временная мера, указанная в подпункте 3) пункта 102 постановляющей части постановления Суда, касающаяся недопущения усугубления спора, недостаточна для того, чтобы можно было надеяться на формирование климата примирения в отношениях между сторонами. Если, как в данном случае, не существует резолюции Совета Безопасности, которая призвала бы стороны спора соблюдать нормы международного права, то именно Суду надлежит сделать это в целях восстановления и поддержания международного мира и безопасности в регионе. При этом Суд, как главный судебный орган Организации Объединенных Наций, «не ... присваивает себе никаких полномочий, не предусмотренных его Статутом, если он иным образом, чем посредством вынесения судебного решения, содействует, облегчает или способствует мирному урегулированию споров между государствами, если ему представляется такая возможность на любой стадии разбирательства» (*Континентальный шельф Эгейского моря (Греция против Турции), временная защита, постановление от 11 сентября 1976 года, I.C.J. Reports, p. 20, 1976, separate opinion of Judge Lachs, p. 20*).